

Храм Братства розы и креста.
Даниэль Мёглинг
Гравюра. 1618. Википедия

«Маятник Фуко», или О природе зла

АРКАДИЙ КОВЕЛЬМАН

Диоталлеви говорил мне, что первая сфера — это Кетер, Венец, первопричина, первоначальная пустота. <...> Однако, может быть, в этом цимцуме, в умалении, в одиноком уходе, уже содержалось, как утверждал Диоталлеви, обещание возврата.

УМБЕРТО ЭКО. Маятник Фуко¹

Десять сфирот составляют Древо Жизни. В первой сфере, которая зовется «Корона» (Кетер), Б-г уходит в одиночество, в Себя, освобождая место для пустоты, в которой только и возможно творение. Умаление, сжатие Б-га — это и есть цимцум. Но Б-г вернется в десятой сфере, которая есть «Царство» (Малхут). Именами десяти сфирот названы десять частей романа Умберто Эко «Маятник Фуко». Шестая сфера — «Краса» (Тиферет). В ней каббалист Диоталлеви худеет, и кожа его приобретает желтоватый оттенок. В восьмой сфере, которая зовется «Нецах» («Вечность», «Победа»), Якопо Бельбо, друг и сослуживец Диоталлеви, находит его в больнице и поражается его прозрачности, отсутствию границ между белым пухом, вылезавшим из пижамы, и клейким клубком нутра.

И вот что Диоталлеви говорит своему другу: «Мы согрешили против Слова, сотворившего и удерживающего мир. Ты терпишь наказание за это так же, как и я».

Они согрешили и понесли наказание за то, что своевольно толковали Тору. Не ту Тору, которая записана на пергаменте и читается в синагоге,

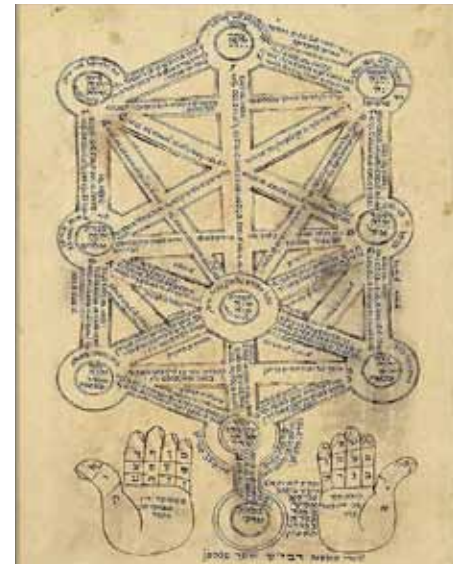
а ту, что была в Начале и была Началом. К Началу можно вознестись, если менять местами буквы в Письменной Торе. Этому посвятил свою жизнь Авраам Абулафия, великий каббалист XIII столетия. Но его ученики «не сумели удержаться на тонкой грани, разделяющей созерцание имен Б-га от магической практики, от манипуляции именами с целью составления талисманов, орудий управления природой. И они не ведали, <...> что всякая буква увязана с какой-либо частью организма, и, если ты сдвинешь с места одну согласную, не понимая ее силы, один из твоих органов сойдет со своего места, игра природы, и тебя всего перекожит как снаружи, на всю жизнь, так и внутри, на вечные времена».

Диоталлеви убедил клетки своего организма в том, что правил никаких нет, что с любым текстом можно делать все, что угодно. И клетки его стали своевольно делиться, образуя раковую опухоль.

«Мы хотели переписать Тору, но не боялись недописать или приписать, буквой больше или меньше». — «Мы же в шутку...» — возразил ему Якопо Бельбо. И получил ответ: «Шутки недопустимы с Торой». — «Но мы шутили над историей, над тем, что писано другими». — «Может ли Писание, творящее мир, не быть Книгой? <...> Любая книга прошита именем Б-га, а мы составляли анаграммы из всех книг истории и не молились».

Шутки начались с визита полковника Арденти в миланское издательство «Гарамон», где работали Бельбо, Диоталлеви и Казобон, от лица которого ведется повествование. Арденти принес рукопись своей книги о там-

Древо сфирот

плиерах. Оказывается, история Ордена не закончилась с его разгромом в 1307–1314 годах. Рыцари ушли в подполье, одержимые жаждой мести и волей к власти. У них было тайное оружие — Грааль, то есть чаша с кровью Христовой и ядерная бомба в одном пакете. Оружие это некогда принадлежало кельтским жрецам-друидам и было посконным достоянием арийцев. В 1944 году рыцари собирались выйти из подполья и захватить господство над миром, но война спутала карты, Гитлер не успел пустить ядерное оружие в ход.

«В общем, совершенно ясно, как сопрягаются между собой мистический Грааль из легенды, философский камень и тот источник неограниченного могущества, к которому стремились люди, верные идеалам Гитлера, с самого кануна войны и до последней капли крови», — заключил полковник. В под-

¹ Цитаты из романа Умберто Эко «Маятник Фуко» даны в переводе Е. А. Костюкович с исправлениями, которые касаются понимания, перевода и транслитерации ивритских терминов. Цитаты из романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» даны в переводе А. Б. Ковельмана.

тверждение он предъявил текст, якобы найденный Ингольфом, уроженцем Санкт-Петербурга, в подземельях городка Провен в Шампани, где некогда скрывались тамплиеры.

Полковник не понравился друзьям, но его приход натолкнул их на мысль запустить две серии книг по оккультизму: «Исида без покрывала» (по названию труда мадам Блаватской) и *Hermetica*. Господин Гарамон, владелец издательства, с радостью ухватился за эту идею, почувствовав наживу. Нужен был консультант, и Казобон вспомнил о господине Алье, с которым познакомился в Бразилии: «Он безусловно эрудирован, принимает подобные вещи достаточно серьезно, но с изяществом, я бы даже сказал, с иронией».

Друзья не ограничились редактированием оккультных книг. С помощью компьютера, которому Бельбо дал имя Авраама Абулафии, они заново прочли листок из архива Ингольфа и сочинили свой План. Внутри Плана поместились богемилы, альбигойцы, иезуиты, исмаилиты, масоны и розенкрейцеры. К розенкрейцерам принадлежал великий ирландский поэт-символист Йейтс, входивший в орден «Золотая заря». Друзья могли бы включить, но не включили в свой список Александра Блока с его драмой «Роза и крест» и знаменитой песенкой Газтана: «Сердцу закон непреложный — // Радость-Страданье одно!» Увы, поэзия русских символистов была им недоступна.

Казобон с гордостью представил План своей подруге Лии, но получил неожиданный отпор. Лия доказала ему, как дважды два, что записка, якобы найденная Ингольфом, — не послание тамплиеров, а товарный чек, список товаров, проданных на ярмарке!

«Лия, пускай послания тамплиеров вообще не было. Так ведь тем более изумительный План мы сочинили! Мы ведь сами говорили, что это фантазия! Но разве она не чудесна?» — возразил Казобон. На это Лия ответила: «Он не чудесен, ваш План. Он чудовищен. <...> Это утробное урчанье, а прикидывается речью. Сколько народу разбирало эту речь, столько раз находили в ней что хотели. В Гомере нету тайн. В вашем Плане тайны есть, да еще в нем полно противоречий. Поэтому тысячи дураков поверят в ваш план, их вера будет крепче меди».

Вскоре и Бельбо начал понимать, что «увлечение Планом — злостное,

что может быть — План и есть Зло».

Понимание это пришло к нему слишком поздно, когда над ним уже нависла тень Ордена тамплиеров — Рыцарей Интернациональной Синархии, сокращенно ТРИС. Во главе ТРИС стоял Алье, консультант издательства «Гарамон». У него были и другие имена: Солтыков (то есть Салтыков) и Раковски (то есть Рачковский). Он представлялся также графом Сен-Жерменом, авантюристом XVIII столетия, который якобы обедал с Понтием Пилатом и мог перечислить блюда, поданные к столу. По словам Алье, «наука пока еще настолько мало осведомлена о процессе старения, что я не исключаю, что смерть является просто-напросто результатом неправильного воспитания». Иронический склад ума не мешал ему пользоваться услугами пошляков и мерзавцев. Один из них — родившийся в Москве таксидермист Салон, по совместительству Великий Патриарх Невидимой Охраны. Отец Салона служил под началом Рачковского, чиновника охранного отделения Министерства внутренних дел Российской империи, знаменитой охранки, и был инициатором создания «Протоколов сионских мудрецов». Бельбо проболтался Алье о Плане, думая подсадить его на крючок, но сам стал жертвой провокации. От него хотели получить карту, дающую власть над миром. Отказавшись играть с безумцами в их игру, Якопо Бельбо был повешен на шнуре Маятника Фуко в Парижском музее наук и ремесел.

Я пересказываю и комментирую роман Умберто Эко, потому что меня мучит вопрос о природе зла. На мой взгляд, зло не есть недостаток добра, как полагали неоплатоники, но его избыток, результат произвольного деления клеток. Уже Аристотель утверждал нечто подобное, призывая к умеренности. И в самом деле, зло — это свобода, доходящая до оскорбления, равенство, отрицающее таланты, братство под руководством Большого Брата. Но более всего зло — это фантазия, не стесненная разумом. Пока разум спит, фантазия рождает чудовищ, производит пошлый и злобный бред. И, поскольку фантазия может быть и доброй, и злой, она связывает добро и зло волшебной цепью, как в романе-эпопее Толкина «Властелин колец».

Три кольца были выкованы для королей эльфов, семь — для властителей гномов, девять — для смертных,

одно — для Сауруна, Темного Лорда. Кольца эльфов — не оружие, они не годятся для вторжения и войны. Те, кто выковал их, хотели обрести не силу, не власть, не богатство, а понимание, творчество и свободу от скверны. Но, если Саурон завладеет главным кольцом, кольца эльфов послужат разрушению всего, что было добыто слезами и трудами.

Мы знаем, что так и случилось в XX столетии. Сколько поэтов, философов и ученых своим творчеством, своей фантазией верно служили фашизму! Они были не эльфами, а людьми, ничто человеческое им было не чуждо, они запятнали свой гений злом, склонились перед кольцом власти. Но что случится с кольцами эльфов, если кольцо власти будет разрушено? «Мы не знаем наверняка, — отвечает на это вопрос Элронд, властитель Ривенделла. — Есть надежда, что три кольца, которых Саурон никогда не касался, освободятся, и тогда их владельцы сумеют залечить раны, нанесенные Сауроном миру. Но может статься, что волшебная сила трех колец иссякнет и многие прекрасные вещи исчезнут и будут забыты». Случилось то, чего опасался Элронд. Когда добро победило, когда кольцо власти расплавилось, упав в жерло вулкана, а Темный Лорд погиб, тогда эльфы сели на корабли и отплыли на Запад. Вместе с ними покинули Срединную землю волшебник Гэндальф и мученик Фродо. Эра колец завершилась, прекрасные вещи исчезли и были забыты.

Мы, люди XXI столетия, не ожидаем такого исхода. Мы знаем, что зло никогда не исчезнет из мира, убитый Саурон воскреснет в новом теле, а проходивец Сен-Жермен вообще бессмертен. Не напрасно Умберто Эко одну из своих статей назвал так: «Вечный фашизм». Кольцо власти нельзя уничтожить, а значит, не будут забыты и вернутся к людям те прекрасные вещи, с которыми прощается Борис Пастернак в стихотворении «Август» (1953): «Прощай, размах крыла расправленный, // Полета вольное упорство, // И образ мира, в слове явленный, // И творчество, и чудотворство».

И так думал Казобон, вспоминая слова своего бедного друга, когда прятался в будке Перископа Парижского музея наук и ремесел: «Однако, может быть, в этом цимцуме, в умалении, в одиноком уходе, уже содержалось, как утверждал Диоталлеви, обещание возврата». ■